

Часть третья. Идеи к теории революции

Глава 14. ОБ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ РЕВОЛЮЦИИ

Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев

Несмотря на огромное количество работ, посвященных проблемам революции, общепринятого ее определения не существует, что, как представляется авторам, неслучайно. Имеется много десятков, если не сотен, различных определений революции. Авторы главы исследуют основные из них, а также предлагают собственное определение социальной революции.

Ключевые слова: теория революции, социология революции, государство, армия, элиты, демократия,

Понятие революции для характеристики общественных явлений стало применяться сравнительно поздно. Сам термин «революция» (франц. *revolution*, от позднелат. *revolutio* – оборот, переворот) был заимствован из астрономии, где он и поныне означает «вращение», «обращение», «полный оборот небесного тела» (см.: Дробкин 1968: 928). Первоначально термин *revolution* употреблялся в астрологии и алхимии. По некоторым предположениям, в научный язык он вошел из названия книги Николая Коперника «Об обращениях небесных сфер» (*De Revolutionibus Orbium Coelestium*. Регенсбург, 1543 г.)¹. В литературе термином «революция» стали называть глубокий государственный переворот только во второй половине XVII в. (Штомпка 1996: 369). Проблемам революции посвящено множество исследований начиная с периода английской революции

¹ См., например, статью «Революция» в *Википедии* (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Революция>). Однако П. Штомпка утверждает, что этот термин появился уже в XIV в. (Штомпка 1996: 369).

XVII в.² В частности, такие философы, как Т. Гоббс и Дж. Локк, рассматривали ее как нарушение государственного порядка, хотя их оценка революции заметно различалась (см.: Гринин 2012б). В XVIII в. о революциях немало писали французские и американские просветители и политические деятели, а также английские мыслители (см., например: Мабли 1950: 57–58; Джефферсон 1990; Юм 1965: 713). Но только в ходе и особенно после Великой французской революции понятие «революция» наполнилось более широким содержанием, включающим движение масс, государственный переворот и идейный сдвиг. Появились понятия «контрреволюция», «революционный», «эволюция»; концепция революции начинает использоваться в описании эпохальных прорывов, фундаментального преобразования общества (см.: Штомпка 1996: 369; Дрбаккин 1968: 928). В XIX в. проблемы революций изучались очень активно, благо революций в этот и предшествующий период случилось немало. В первые десятилетия XIX в. сначала А. Сен-Симон, а позднее французские историки О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье и некоторые другие сделали первые шаги к тому, чтобы объяснить революции как борьбу классов (см., например: Сен-Симон 1948, т. II: 49–50; Далин 1981: 7–41; Гринин 2010; 2012б). В дальнейшем по мере усиления революционных настроений эта тема стала предметом исследования прежде всего представителей левого и радикального лагеря, включая социалистов и марксистов (см., например: Володин 1982)³. Революции в зависимости от идеологической позиции романтизируются или демонизируются, а образы революционеров приобретают, выражаясь словами П. Штомпки (1996: 369), прометеевские черты (или, напротив, черты чистых злодеев⁴).

² В частности, английские идеологи этого периода, такие как Дж. Гаррингтон или Дж. Уинстенли (правда, в утопических произведениях или памфлетах), высказывали идеи, вполне актуальные и сегодня, что в процессе революции происходит передел земельной и иной собственности (см., например: Уинстенли 1950: 54–55; Сапрыкин 1975; Адо 1977: 21–23).

³ Хотя, конечно, было немало вполне объективно мыслящих ученых, так или иначе затрагивающих эту тему. В этой связи стоит упомянуть, например, знаменитую книгу А. Токвиля *Старый порядок и революция* (1997).

⁴ Французский социолог Г. Ле Бон (Лебон), в частности, писал о значительном увеличении массы неприспособленных, обездоленных и «выродков», которая грозит серьезной опасностью всякой цивилизации, поскольку эта армия, объеди-

К. Маркс и Ф. Энгельс внесли существенный вклад в теорию революции, хотя, конечно, использовали эту концепцию как чисто идеологическую, направленную на свержение капитализма. Маркс уже в ранних работах пришел к достаточно глубокому пониманию внутренней взаимосвязи политической и социальной революции: «Каждая революция разрушает старое общество, и постольку она социальна. Каждая революция низвергает старую власть, и постольку она имеет политический характер» (Маркс 1955: 448). Маркс и Энгельс сделали затем вывод, что революция является движущей силой истории. Особенно активно разрабатывалась идея (идушая, как уже упоминалось выше, от французских историков времен Реставрации), что революции – это борьба классов (см., например: Он же 1957а; 1957б; 1960; Энгельс 1957; 1961).

С другой стороны, Марксом было сформулировано понимание социальной революции как перехода от одного способа производства к другому, как прежде всего «изменение экономической основы» общества: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, <...> с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче – от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение» (Маркс 1959: 7). Именно такое понимание социальной революции стало доминирующим в советском историческом материализме (см., например: Дабкин 1968; Ковалев 1969; Селезнев 1971; 1982; Сухарев, Федосеев 1984: 202–218).

ненная ненавистью к обществу, где для нее не находится места, готова на любые разрушения (Лебон 1995 [Ле Бон 1908]: 426–427).

Социология революции как направление стала складываться в конце XIX – начале XX в. (см. об этом, например: Goldstone 1980; 2001; Гавлин, Казакова 1980; Голдстоун 2015; Гринин, Коротаев, Малков 2010)⁵. На наш взгляд, оправданно считать это время первым этапом социологического исследования революций (среди его представителей можно выделить, в частности, Б. Адамса, Г. Ле Бона, Ч. Эллвуда [см., например: Ellwood 1905; LeBon 1913]). Однако определения революции в работах этого периода еще во многом, говоря словами П. Сорокина, базировались на ложных принципах и делились, по его терминологии, в основном на «слащавые» и «горькие» определения. Как подчеркивает сам Сорокин, под этим следует понимать те дефиниции, которые соотносятся скорее с воображаемым, чем с реальным образом революции (Сорокин 1992б: 267). В то же время все громче звучали призывы к разумному и своевременному реформированию⁶. Тем не менее нельзя не отметить, что среди работ представителей революционных партий было довольно много интересных исследований, которые внесли заметный вклад в понимание революции. В частности, можно отметить работы В. И. Ленина (см., например: Ленин 1969а (1917); 1969б (1917)), К. Каутского (1959(1909)), Р. Люксембург (1991), Л. Д. Троцкого (2005) и др. Таким образом, среди социологов второго поколения можно выделить несколько групп.

Следующий этап был связан с Октябрьской революцией. И он в период 20–50-х гг. XX в. привел уже к институционализации социологии революции; возникновение данного направления связано с именем П. А. Сорокина и названием его книги «Социология революции» (Sorokin 1925; Сорокин 1992б). Среди представителей второй волны можно назвать Д. Йодера, Л. Эдвардса, Дж. С. Питти, К. Бринтона, Э. Ледерера, С. Неймана, Ф. Гросса и др. (см., например: Edwards 1927; Lederer 1936; Pettee 1938; Brinton 1965 [1938]).

⁵ В настоящее время выделяют три или даже четыре поколения социологов, исследующих революцию (см., например: Goldstone 1980; 2001; Foran 1993; Голдстоун 2015). Однако естественно, что по поводу данной периодизации имеется много споров, вариаций, существуют большие расхождения по датировкам периодов и т. п., углубляться в рассмотрение которых в данном контексте не имеет смысла.

⁶ Нужна «мирная революция», направленная на усиление государства, которое одно способно взять на себя роль верховного судьи и реформатора, как считал, например, Б. Адамс (Adams 1913: 30).

Стоит также указать и некоторых русских философов, в частности Н. Бердяева (1990: Письмо первое [1923]; см. также: Бердяев 1928), тем более что далее мы неоднократно используем его «закон» революции.

1950-е гг. стали началом нового периода в исследовании революции (к социологам революции этого поколения относятся, в частности, Ч. Джонсон, Дж. Дэвис, Т. Р. Гурр, Р. Тантер, Н. Смелзер, М. Мидларский, Б. Мур, С. Хантингтон, Ч. Тилли и др.; см., например: Davies 1962; Smelser 1963; Huntington 1968; Johnson 1968; Gurr 1970). Исследователи этого периода стремились преодолеть схематизм «классической» социологии революции путем системного исследования конкретных революционных процессов. Среди направлений этого поколения в разработке концепций революции некоторые исследователи выделяют три основных подхода: 1) подход, основанный на когнитивной психологии и теории фрустрации (Davies 1962; Gurr 1968; 1970; Geschwender 1968; Feierabend *et al.* 1969; Morrison 1971; Feierabend I. K., Feierabend R. L. 1972; Schwartz 1972 и т. д.); 2) структурно-функционалистский подход (Smelser 1963; Tiryakian 1967; Johnson 1968; Hart 1971; Jessop 1972; Hagopian 1974 и т. д.); 3) политико-правовой подход (Amman 1962; Stinchcombe 1965; Huntington 1968; Tilly 1975; 1978 и т. д.; подробнее об этих подходах см.: Гавлин, Казакова 1980; Stone 1966; Kramnick 1972; Zagorin 1973; Goldstone 1980).

На наш взгляд, особо ценные результаты здесь были получены в рамках первого из выше обозначенных подходов. Действительно, именно в его рамках были получены важные результаты в исследовании влияния на революционную дестабилизацию завышенных ожиданий населения (см. в особенности: Davies 1962). Эти результаты сохраняют свое значение вплоть до настоящего времени (см., например: Гринин 2012а; Коротаев 2014; Grinin, Korotayev 2014; см. также: Гринин и др. 2016: Гл. 7). Большой интерес представляют и работы Фейерабендов, показавших, что такого рода завышенные ожидания с последующей фрустрацией вполне закономерно возникают в процессе модернизации вообще – и в процессе урбанизации в особенности (Feierabend I. K., Feierabend R. L. 1972)⁷. Важны так-

⁷ Собственно, начало этих идей, а равно связи революции и модернизации и некоторых других идей, можно проследить еще со знаменитого исследования А. де Токвиля «Старый порядок и революция» (Токвиль 1997).

же и выводы Т. Р. Гурра, показавшего особо важную роль, которую играет в генерировании «революционной фрустрации» систематическое перекрывание социальных лифтов для определенных этнических, этносоциальных или социальных групп (Gurr 1968; 1970).

Достаточно важные результаты были получены и в рамках второго подхода. Эти исследователи анализировали общества как системы, чье нормальное функционирование зависит от поддержания равновесия во взаимообмене веществом, энергией и информацией между системой и окружающей ее средой, а также между подсистемами, из которых эта система состоит. Исследователи, исходившие из этого подхода, не без оснований утверждали, что любое критическое нарушение, разрушающее данное равновесие, приводит общество в состояние неравновесия (Nagorian 1974) или дисфункции (Johnson 1968), что ведет к появлению серьезного риска революционной дестабилизации. При этом в рамках данного подхода был предложен и целый ряд «кандидатов» на роль сил, приводящих социальные системы в состояния дисфункции/дестабилизации, таких как неравномерное влияние технологического роста и модернизационных процессов на потребности различных подсистем в ресурсах и на актуальное их обеспечение данными ресурсами, изменения в распределении власти между элитами различных подсистем (Jessor 1972), резкие изменения систем ценностей в результате появления новых религий или идеологий (Johnson 1968) или просто асинхронность изменения различных подсистем (Nagorian 1974).

В рамках третьего подхода революция рассматривается в качестве результата развития конфликта между различными социально-политическими группировками (*interest groups*), когда происходит радикальная эскалация обычного конфликта между ними (как в результате интенсификации самого конфликта, так и в результате резкого роста объема вовлекаемых в конфликт ресурсов) до такого уровня, когда обычные механизмы посредничества и поиска решения конфликта мирным путем перестают работать и политическая система претерпевает насильственный развал. Революция рассматривается как генезис «множественной суверенности», которая описывается как ситуация, обладающая следующими характеристиками: 1) конфликтующие социально-политические группировки настолько сильно противостоят друг другу по важнейшим вопросам, что их противоречия оказывается невозможно согласовать в рамках

существующей политической системы; 2) две или более конфликтующие группы имеют достаточно политических, финансовых, организационных и силовых ресурсов для того, чтобы установить «суверенитет» над значимой политической или военной базой и пытаться достигнуть своих целей силовым путем. Такая ситуация может возникать под действием целого ряда факторов, к числу которых, например, Ч. Тилли относит войны, экономическую модернизацию, урбанизацию или изменения в системах ценностей и идеологические сдвиги (см., например: Tilly 1975; 1978).

Необходимо подчеркнуть, что очень важные результаты были достигнуты и в рамках данного подхода. До сих пор, например, сохраняет свое значение предложенная С. П. Хантингтоном (Huntington 1968; Хантингтон 2004) типологизация паттернов революционной дестабилизации на модели «центрального коллапса» и «наступления с периферии» (см.: Гринин и др. 2016: Гл. 4, 6, а также, например: Korotayev, Issaev, Zinkina 2015).

По мнению Дж. Голдстоуна (Goldstone 1980; 2001), можно говорить о появлении во второй половине 1970-х гг. нового поколения теорий революции⁸, что он связывал с выходом в свет фундаментальных работ Ш. Н. Айзенштадта, Дж. М. Пэйджа, Т. Скочпол и К. Э. Тримбергера (Eisenstadt 1978b; Paige 1975; Skocpol 1979; Trimberger 1978), при этом данное поколение теорий революции отличалось от предыдущего по следующим основным пунктам.

1) *Роль государства.* Для третьего поколения теорий революции была характерна трактовка государства как арены конфликта социально-политических группировок или как орудия подавления одной группировки другой. Теории четвертого поколения стали подчеркивать автономную роль государства.

2) *Пересмотр вопроса о роли внешних факторов.* Третье поколение уделяло заметное влияние внешним факторам, но прежде всего речь в них шла о войнах как триггерах революционной дестаби-

⁸ Сам Голдстоун называет это поколение теорий революции третьим. Однако поскольку в основополагающей статье 1980 г. (Goldstone 1980) он рассматривал развитие социологии революции только в США, он не учел самое первое поколение теорий революций – теории революции XIX в. (имевшее и вполне серьезные достижения в работах, скажем, А. де Токвиля [1997] или К. Маркса [см., например: Маркс 1957а; 1957б]). С учетом этого правильнее все-таки было бы назвать это поколение теорий революции не третьим, а четвертым.

лизации. Четвертое поколение теорий революции стало уделять особое внимание долгосрочному влиянию внешних факторов (когда, например, военное соперничество может вынуждать государство к активному извлечению ресурсов из социальной системы).

3) *Роль армии*. В рамках четвертого поколения теорий революции особое внимание стало уделяться роли силовых структур и факторам, обуславливающим их переход на сторону восставших.

4) *Роль элит*. Определенное внимание роли элит уделялось и в рамках теорий третьего поколения, хотя в них речь шла прежде всего о негибкости поведения правящей элиты как факторе революционной дестабилизации. Однако в рамках теорий четвертого поколения было показано, что и процесс революционной дестабилизации, и его последствия очень сильно зависят от структуры и поведения элит. Например, Ш. Н. Айзенштадт показал, что если революционные элиты имеют тесные связи с иными элитами, то в результате революционной дестабилизации с большей вероятностью могут появиться относительно плюралистические открытые политические системы; в то время как изолированные элиты имеют тенденцию формировать закрытые режимы, основанные на принуждении (Eisenstadt 1978a).

По мнению того же Дж. Голдстоуна, в 1990-е гг. можно говорить о формировании еще одного поколения теорий революции, которое сам Голдстоун обозначает как «четвертое» (Goldstone 2001), но которое мы (в соответствии с высказанными выше соображениями) предпочитаем называть пятым.

Наиболее существенные достижения в исследовании революций, сделанные в эти годы и позволяющие с некоторыми основаниями говорить о появлении нового поколения теорий, можно сформулировать следующим образом:

1) выявление особой значимости внутриэлитного конфликта как фактора победы революций (*Idem* 1991; Goldstone *et al.* 1991; Bearman 1993; Haggard, Kaufman 1995; DeFronzo 1996; Hough 1997; Lachmann 1997; Dogan, Higley 1998; Snyder 1998; Parsa 2000);

2) выявление особой неустойчивости промежуточных режимов, находящихся между консолидированной демократией и последовательным авторитаризмом (Esty *et al.* 1998; Goldstone *et al.* 2003; 2010);

3) выявление того обстоятельства, что революции скорее препятствуют, чем способствуют становлению демократии и экономи-

ческому росту (Eckstein 1982; 1986; Gurr 1988; Zimmermann 1990; Chiot 1991; Haggard, Kaufman 1995; Weede, Muller 1997; Goldstone 2001).

По мнению Дж. Голдстоуна, теории этого поколения сосредотачиваются скорее на причинах того, почему некоторые режимы более стабильны, чем другие (то есть концентрируются на изучении скорее факторов стабильности, чем нестабильности), «рассматривают широкий спектр и условий как факторов, провоцирующих потерю стабильности, признавая, что процесс и последствия революции опосредствуются групповой идентификацией, сетями и коалициями; лидерством и конкурирующими идеологиями; взаимодействием между правителями, элитами, группами народа и иностранными державами» (Goldstone 2001: 172).

В настоящее время, возможно, имеет смысл говорить о начале появления нового, шестого поколения теорий революции, связанного с изучением опыта «цветных революций» и Арабской весны [см., например: Aslund, McFaul 2006; Nepstadt 2011; Bunce, Wolchik 2011; Goldstone 2011a; 2011b; 2014a; 2014b; Mitchell 2012; Filali-Ansary 2012; Lynch 2012].

* * *

Несмотря на огромное количество работ, посвященных проблемам революции, общепринятого ее определения не существует, что, как нам представляется, неслучайно. По-видимому, имеется много десятков, если не сотен, различных определений революции. Возможно, поэтому П. Сорокин отказался давать собственное определение (1992б: 268), хотя отметил как разумное следующее определение И. Бауэра: «...революция есть смена конституционного общественного порядка, совершенная насильственным путем» (Там же). Достаточно развернутую дефиницию приводит Э. Гидденс (1999: 512): «Революция – процесс политических изменений, в котором задействованы массовые социальные движения, связанный с использованием насилия для успешного свержения существующего режима и с последующим формированием нового правительства. Революция отличается от заговора тем, что революция носит массовый характер и приводит к значительным переменам во всей политической системе. Заговор – это вооруженный захват власти для смены политического лидера, но без радикальных перемен в системе управления. Революции отличаются и от бунта, хотя

бунт – тоже вызов, угроза существующему политическому режиму, но его цель в большей степени заключается в замене лидеров, а не в трансформации политической структуры как таковой»⁹.

Для того чтобы лучше представить спектр различных мнений, имеет смысл привести большую цитату из монографии П. Штомпки (1996: 370–372), в которой он дает, как нам кажется, вполне релевантную классификацию таких дефиниций:

Современная концепция революции основывается на двух традициях: историософской и социологической. Согласно первой, революция означает радикальный разрыв непрерывности, фундаментальную трещину, «катаклизм-прорыв» (Brinton 1965 [1938]: 237) в ходе истории. Внимание сосредоточивается на всеобщей модели исторического процесса, и революции обозначают качественные рубежи в этой модели... Сторонники второй традиции, представленной социологической концепцией революции, обращаются к массовым выступлениям, использующим или грозящим применить принуждение и насилие по отношению к властям, для того чтобы усилить базис и провести последующие изменения в обществе. Центр внимания переносится с всеобщих моделей и конечных результатов на движущие силы, механизмы и альтернативные сценарии социальных процессов, средства, которые люди используют для того, чтобы творить и преобразовывать историю... Обе традиции – историософская и социологическая – отражаются в современных определениях революции. Их можно разделить на три группы. В первую входят определения, согласно которым революции – это фундаментальные широко распространенные преобразования общества (здесь явно подразумеваются «великие» революции). Внимание акцентируется прежде всего на масштабах и глубине преобразований. В этом смысле «революция» противопоставляется «реформам». Так, она определяется как «неожиданные, радикальные изменения в политической, экономической и социальной структуре общества» (Bullock, Stallybras 1977: 542), как «сметающее все неожиданное изменение в социальной структуре или в некоторых важных ее элементах» (Fairchild 1966: 259)... Вторая группа включает

⁹ Возможно, это определение удачно дополнило бы уточнение, что в отличие от *coup d'état* (государственного переворота) революция «предполагает изменение, оказывающее воздействие на жизнь самых обыкновенных граждан» (Brinton 1949: 11).

определения, в которых упор делается на насилие и борьбу, а также на скорость изменений. Центр внимания перемещается на технику преобразований. В этом смысле «революция» противопоставляется «эволюции». Вот несколько подобных определений: «Попытки осуществить изменения силой» (Johnson 1968: 1); «Фундаментальные социально-политические изменения, осуществленные насильственным путем» (Gurr 1970: 4); «Решительная, внезапная замена одной группы, ответственной за территориально-политическое единство, другой, прежде не входившей в правительство» (Huntington 1965 [1938]: 4); «Захват (или попытка захвата) одним классом, группой или коалицией у другой рычагов контроля над правительственным аппаратом, понимаемым как важнейшие, концентрированные в его руках средства принуждения, налогообложения и административного управления в обществе» (Aya 1979: 44). Возможно, наиболее полезны определения третьей группы, сочетающие в себе оба аспекта: «Быстрые, фундаментальные насильственные внутренние изменения в доминирующих в обществе ценностях и мифах, в его политических институтах, социальной структуре, лидерстве, деятельности и политике правительства» (Huntington 1968: 264); «Быстрые, базовые преобразования социальной и классовой структур общества путем переворотов снизу» (Skocpol 1979: 4); «Захват насильственными методами государственной власти лидерами массовых движений и последующее использование ее для проведения крупномасштабных социальных реформ» (Giddens 1989: 605). Итак, подавляющее большинство исследователей сходятся в том, что, во-первых, революции относятся к фундаментальным, всеобъемлющим многомерным изменениям, затрагивающим самую основу социального порядка. Во-вторых, они вовлекают большие массы людей, мобилизуемых и действующих внутри революционного движения. Таковы, например, городские и крестьянские восстания (Jenkins 1982). Если же преобразования идут «сверху» (например, реформы Мэйдзи в Японии, Ататюрка в Турции и Насера в Египте, *перестройка* Горбачева), то какими бы глубокими и фундаментальными они ни были, их нельзя считать революциями... В-третьих, большинство авторов, похоже, полагают, что революции со всей непреложностью сопровождаются насилием и принуждением.

Можно было бы добавить и ряд других, более или менее удачных, на наш взгляд, дефиниций революции. Например: «Быстрое фундаментальное изменение в политической организации, социальной структуре, экономическом контроле над собственностью и господствующих мифах социального порядка, указывающее, таким образом, на большой разрыв непрерывности развития» (Neumann 1949: 333–334). Достаточно удачным нам представляется и определение, предложенное Дж. Голдстоуном: «Революция представляет собой насильственное свержение режима через массовую мобилизацию... во имя социальной справедливости с целью создания новых политических институтов» (Goldstone 2014b: 4; см. также: Голдстоун 2015).

Исходя из вышесказанного, не стремясь к строгой дефиниции, мы могли бы определить социальную революцию как *глубокий и резкий переворот в политических, социальных, имущественных и идеологических отношениях, который: а) совершается с помощью широкого и активного участия больших масс людей; б) затрагивает в настоящем и будущем жизнь широких масс; в) совершается насильственно (и обычно нелегитимно в понимании старого строя), а потому нередко становится более или менее жестоким, кровавым, связанным с массовым насилием процессом* (см.: Гринин, Коротаев, Малков 2010: 11).

В целом на высоком уровне абстракции эти причины можно обобщить как усиливающееся несоответствие между социальным и политическим строем и господствующей идеологией, с одной стороны, и быстрыми социальными, экономическими и культурными изменениями в стране – с другой. Важные причины революций так или иначе связаны и с изменением идеологии, с нарастанием недовольства властью, с бессилием власти. И чем сильнее это общественное недовольство и слабость власти, тем реальнее возможность совершения революции. Как говорит П. А. Сорокин (1992б: 278), когда ореол власти испарился, в ее сохранении возникают законные сомнения¹⁰. С потерей доверия к власти часто также связано ощущение

¹⁰ В этой связи, возможно, нелишним будет процитировать Б. Окуджаву: «Вселенский опыт говорит, что погибают царства не оттого, что тяжек быт или страшны мытарства. А погибают оттого (и тем больней, чем дольше), что люди царства своего не уважают больше» (стихотворение, посвященное Б. Слуцкому).

ние надвигающейся катастрофы, а когда общество начинает осознавать близость непредвиденной социальной катастрофы, по мнению Ч. Джонсона, возникает и усиливается идея (и добавим – желательность) революции (Johnson 1968: 12). Одновременно, как было замечено, правящая элита часто теряет чувство самосохранения.

* * *

По мере ускорения исторического развития множилось и число революций. Особенно богат ими оказался XX в., поэтому лет тридцать-сорок назад немало историков и обществоведов даже на Западе считали, что «XX век войдет в историю как век борьбы и революций, как время величайших революционных преобразований» (Уоддис 1975: 27; Красин 1975: 3; см. также, например: Раинко 1979).

Революция, как понятно, это особая форма смены политической власти или политического (социально-политического) режима. Большой знаток теории революции В. И. Ленин справедливо отмечал, что главный вопрос любой революции – вопрос о власти (Ленин 1969б [1917]: 145). Отметим, что любая смена власти, даже самая легитимная, неважно, в монархическом или демократическом устройстве, неизбежно ведет к более или менее заметным сбоям в функционировании административно-политической машины. Это связано как с тем, что любая власть в той или иной степени зависит от персонального состава властной элиты (и особенно верховного руководителя), так и с тем, что любая смена власти в какой-то мере ведет к переменам в идеологической интерпретации целей правления. Кроме того, в ожидании неизбежных перемен класс администраторов естественным образом оказывается дезорганизованным (например, во время выборной кампании или в ожидании смещений и новых назначений). При смене монарха или правящей партии часто сменяется почти вся руководящая верхушка, и на вхождение в дела новых руководителей уходит немало времени¹¹. В результате работа государственной машины на довольно длительное время становится менее эффективной.

Смена же власти путем революции означает гораздо более резкий сбой в работе системы часто с непредсказуемыми последстви-

¹¹ В этой связи, например, любопытно отметить существенные изменения во внешней политике Саудовской Аравии в 2015 г. в результате смены монарха. Это существенно, в частности, для понимания событий, описанных в *Главе 4*.

ями. Вот почему в целом революции всегда были очень разрушительным и затратным способом социального прогресса.

Кроме того, отношение к ним менялось в зависимости от социальной позиции социальных исследователей и общего состояния общества. Так, в XX в. революции стали связывать с опасностью установления коммунистических режимов, поэтому большинство политологов оценивали их негативно, а общий тренд исследований шел в направлении необходимости понять причины революции и найти способы их предотвращения. Все это убедило западные страны в необходимости, говоря словами Л. Эдвардса, создать механизм, который должен отвечать задаче предотвращения революции (Edwards 1927; 1965: 213)¹².

Крушение социализма окончательно убедило в том, что революции перестали быть сколько-нибудь приемлемым средством социального прогресса в современный период. Однако, как это ни парадоксально, именно с этого времени США и западные страны резко изменили свое отношение к революциям, поскольку теперь (как только угроза возникновения коммунистических режимов в результате совершения революции исчезла) их стали рассматривать как позитивное и выгодное для западных стран явление. Революции вновь, как и раньше, стали отождествлять с демократией, а демократию рассматривать как безусловно позитивную форму.

Конец XX и начало XXI в. стали периодом нового типа революций, в которых повысилась доля внешнего вмешательства и инспирирования, использования «рукотворных», не стихийных революций для свержения неугодных режимов. Целая цепь таких революций, получивших название «цветных», прокатилась по ряду стран¹³. Таким образом, революции вновь стали использовать как

¹² Это была одна из причин усиленного исследования проблемы революций. Например, в середине 50-х гг. Гуверовский институт войны, революции и мира в Стэнфорде (Калифорния) в США начал серию исследований «с целью описания мировой революции нашего времени и ее воздействия на международную и национальную политику» (Fisher 1955: II). О широких программах исследования революций по заданию правительственных органов в США в 1960–1980-е гг. см., например: Taylor 1984: 7.

¹³ Отметим, что вразумительное объяснение того, почему эти революции получили название «цветных» (*color revolutions*), отсутствует. Автор книги «Цветные революции» А. М. Митчелл, исследовавший «революцию роз» в Грузии 2003 г., «оранжевую революцию» на Украине 2004 г. и «тюльпановую революцию» в Киргизии 2005 г. пишет: «Цветные революции... не были ни цветными, ни ре-

важнейший инструмент геополитики, только теперь уже не коммунистические государства, а демократические. Для этого в избранных странах активно подготавливалась оппозиция, которая при возможности проходила обучение с помощью западных инструкторов; также в качестве координаторов и штабов всякого рода использовались НКО и дипмиссии. К сожалению, чаще всего позитивный эффект таких революций был минимальным, зато негативный – разрушительным. «В большинстве стран, где произошли “цветные революции”, не наблюдается быстрого и надежного перехода к демократии», – отмечает даже сторонник таких революций Дж. Голдстоун (2015: 161), показывая, что революции по-прежнему начинаются со свержения старого режима, но впереди у них очень трудный и затяжной процесс утверждения нового; что революции неизбежно порождают новые трудности, новую борьбу за власть и высокую вероятность скатывания к авторитаризму (Там же: 161, 183). Вновь и вновь подтверждается идея о том, что революции – слишком разрушительный способ прогресса для современной формы общественной жизни (см.: Гринин 1997; 2007). И мы не разделяем надежд Голдстоуна, что в «будущем возобладает революционный героизм, а не революционные кошмары» (Голдстоун 2015: 182).

Библиография

- Адо А. В. 1977. Зарождение и становление социологической и исторической мысли Нового времени (XVI–XVIII вв.). В: Галкин И. С. (ред.), *Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки* (с. 12–39). М.: МГК.

волюциями. Розы и тюльпаны – ведь это прежде всего цветы» (Mitchell 2012: 7; см. также: Чернов 2006; Эсенбаев 2009). Действительно, логичнее было бы называть эти революции «цветочными», а не «цветными», так как из классических «цветных революций» собственно цветное обозначение имеет лишь «оранжевая революция» на Украине 2004 г., названия же, связанные с именами цветов, явно преобладают – к уже названным выше «революции роз» и «тюльпановой революции» можно добавить еще и попытку «васильковой революции» в Белоруссии 2006 г., «шафрановой революции» в Мьянме 2007 г. или «жасминовую революцию» в Тунисе 2011 г. Хотя, конечно, разнообразие символов «цветных революций» выходит далеко за рамки только цветов (например, «бульдозерная революция» в Сербии 2000 г., «дынная революция» в Киргизии 2010 г. или попытка «революции зонтиков» в Гонконге 2014 г.).

- Бердяев Н. А. 1928.** Русская религиозная мысль и революция. *Версты* 3: 40–62.
- Бердяев Н. А. 1990.** *Философия неравенства*. М.: ИМА-ПРЕСС.
- Володин А. И. (ред.). 1982.** *Утопический социализм: Хрестоматия*. М.: Политиздат.
- Гавлин М. Л., Казакова Л. А. 1980.** *Современные буржуазные теории социальной революции*. М.
- Гидденс Э. 1999.** *Социология*. М.: Эдиториал УРСС.
- Голдстоун Д. А. 2015.** *Революции. Очень краткое введение*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Гринин Л. Е. 1997.** Формации и цивилизации. Гл. 2. *Философия и общество* 2: 5–89.
- Гринин Л. Е. 2007а.** *Философия, социология и теория истории*. 4-е изд. М.: КомКнига.
- Гринин Л. Е. 2010.** Теория, методология и философия истории: очерки развития исторической мысли от древности до середины XIX в. Лекция 8. Век Просвещения (XVIII в.). Лекция 9. Первая половина века. *Философия и общество* 4: 145–197.
- Гринин Л. Е. 2012а.** Реконфигурация мира, или наступающая эпоха новых коалиций (возможные сценарии ближайшего будущего). *История и современность* 2: 3–27.
- Гринин Л. Е. 2012б.** *От Конфуция до Конта: становление теории, методологии и философии истории*. М.: ЛКИ.
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2016.** *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2010.** Русские революции в столетней ретроспективе. Введение. В: Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. (ред.), *О причинах Русской революции* (с. 5–24). М.: ЛКИ/ URSS.
- Далин В. М. 1981.** *Историки Франции XIX–XX веков*. М.: Наука.
- Джефферсон Т. 1990.** *Автобиография. Заметки о штате Виргиния*. Л.: Наука.
- Драбкин Я. С. 1968.** Революция. В: Жуков Е. М. (ред.), *Советская историческая энциклопедия*. Т. 11. *Пергам – Ренувен* (с. 926–933). М.: Советская энциклопедия.
- Каутский К. 1959 [1909].** *Путь к власти (Политические очерки о вращении в революцию)*. М.: Госполитиздат.

- Ковалев А. М. 1969.** *Социальная революция.* М.: Высшая школа.
- Коротаев А. В. 2014.** О возможных экономико-психологических факторах украинской революции 2014 года. *Историческая психология и социология истории* 7(1): 56–74.
- Красин Ю. А. 1975.** *Революцией уstraшенные.* М.: Политиздат.
- Ле Бон Г. 1908.** *Психология социализма.* СПб.
- Лебон Г. 1995.** *Психология социализма.* СПб.: Макет.
- Ленин В. И. 1969а [1917].** Государство и революция. В: Ленин В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 33. М.: Политиздат.
- Ленин В. И. 1969б [1917].** О двоевластии. В: Ленин В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 31. Март – апрель 1917 (с. 145–148). М.: Политиздат.
- Люксембург Р. 1991.** *О социализме и русской революции. Избранные статьи, речи, письма.* М.: Изд-во полит. лит-ры.
- Мабли Г. 1950.** *Избранные произведения.* М.; Л.
- Маркс К. 1955.** Критические заметки к статье «Пруссака» «Король прусский и социальная реформа». В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Маркс К. 1957а.** Буржуазия и революция. В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 6. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Маркс К. 1957б.** Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 6. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Маркс К. 1959.** К критике политической экономии. В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 13. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Маркс К. 1960.** Гражданская война во Франции. Воззвание генерального Совета Международного Товарищества рабочих. В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 17. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Раинко С. 1979.** *Марксизм и его критики.* М.: Прогресс.
- Сапрыкин Ю. М. 1975.** *Политическое учение Гаррингтона.* М.: Изд-во МГУ.
- Селезнев М. А. 1971.** *Социальная революция.* М.: Изд-во МГУ.
- Селезнев М. А. 1982.** *Марксистско-ленинская теория социальной революции.* М.: Мысль.
- Сен-Симон А. 1948.** *Избранные сочинения.* Т. I–II. М.; Л.
- Сорокин П. А. 1992б.** Социология революции. В: Сорокин, П. А., *Человек. Цивилизация. Общество* (с. 266–294). М.: Политиздат.
- Сухарев Ю. Н., Федосеев А. А. 1984.** Гл. 12. Материалистическая диалектика: в 5 т. Т. 4. В: Константинов Ф. В., Марахов В. Г. (ред.), *Диалектика общественного развития.* М.: Мысль.

- Токвиль А. де. 1997.** *Старый порядок и революция*. М.: Моск. филос. фонд.
- Троцкий Л. Д. 2005.** *Перманентная революция*: сб. М.: АСТ.
- Уинстенли Д. 1950.** *Избранные памфлеты*. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР.
- Уоддис Д. 1975.** *«Новые» теории революции*. М.: Прогресс.
- Хантингтон С. 2004.** *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс-Традиция.
- Чернов В. 2006.** Революция и порядок. *Наше мнение* 3.
- Штомпка П. 1996.** *Социология социальных изменений*. М.: Аспект-Пресс.
- Энгельс Ф. 1957.** Революция и контрреволюция в Германии. В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 8. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Энгельс Ф. 1961.** Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 8. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Эсенбаев А. Э. 2009.** «Революция тюльпанов» в Кыргызстане и особенности трансформации политической системы: попытка осмысления. *Власть* 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/revolyutsiya-tyulpanov-v-kyrgyzstane-i-osobennosti-transformatsii-politicheskoy-sistemy-popytka-osmysleniya>.
- Юм Д. 1965.** *Соч.* Т. 1. М.: Мысль.
- Amman P. 1962.** Revolution: A Redefinition. *Political Science Quarterly* 77: 36–53.
- Aslund, A., McFaul, M. (Eds.). 2006.** *Revolution in Orange*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace.
- Aya R. 1979.** Theories of Revolution Reconsidered. *Theory and Society* 8(1): 39–99.
- Bearman P. S. 1993.** *Relations into Rhetorics: Local Elite Social Structure in Norfolk, England 1540–1640*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
- Brinton C. 1965 [1938].** *Anatomy of Revolution*. New York: Harper & Row.
- Bullock A., Stallybras O. 1977.** *The Fontana Dictionary of Modern Thought*. London: Fontana/Collins.
- Bunce V. J., Wolchik S. L. 2011.** *Defeating Authoritarian Leaders in Post-communist Countries*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Chirot D. (Ed.). 1991.** *The Crisis of Leninism and the Decline of the Left: the Revolutions of 1989*. Seattle: University of Washington Press.

- Davies J. C. 1962.** Toward a Theory of Revolution. *American Sociological Review* 27(1): 5–19.
- DeFronzo J. 1996.** *Revolutions and Revolutionary Movements*. Boulder, CO: Westview.
- Dogan M., Higley J. 1998.** *Elites, Crises, and the Origins of Regimes*. Boulder, CO: Rowman & Littlefield.
- Eckstein S. 1982.** The Impact of Revolution on Social Welfare in Latin America. *Theory and Society* 11: 43–94.
- Eckstein S. 1986.** The Impact of the Cuban Revolution: a Comparative Perspective. *Comparative Studies in Society and History* 28: 503–34.
- Edwards L. P. 1927.** *The Natural History of Revolution*. Chicago: University of Chicago Press.
- Edwards L. P. 1965.** *The Natural History of Revolution*. 2nd ed. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Eisenstadt S. N. 1978a.** *European Civilization in a Comparative Perspective. A Study in a Relation between Culture and Social Structure*. Oslo: Norwegian University Press.
- Eisenstadt S. N. 1978b.** *Revolution and the Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations*. New York: Free Press.
- Ellwood C. A. 1905.** A Psychological Theory of Revolutions. *American Journal of Sociology* 11: 49–59.
- Esty D., Goldstone J. A., Gurr T. R., Harff B., Levy M., Dabelko G. D., Surko P., Unger A. N. 1998.** *State Failure Task Force Report: Phase II Findings*. McLean, VA: Sci. Appl. Int. Corp.
- Fairchild H. P. 1966.** *Dictionary of Sociology and Related Sciences*. Totowa, NJ: Littlefield, Adams.
- Feierabend I. K., Feierabend R. L. 1972.** Systematic Conditions of Political Aggression: An Application of Frustration-Aggression Theory. In: Feierabend I. K., Feierabend R. L., Gurr T. R. (ed.), *Anger, Violence, and Politics: Theories and Research* (pp. 136–183). Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall.
- Feierabend I. K., Feierabend R. L., Nesvold B. 1969.** Social Change and Political Violence: Cross-National Patterns. In: Graham H. D., Gurr T. R. (ed.), *Violence in America* (pp. 606–688). New York: Signet.
- Filali-Ansary A. 2012.** The Languages of the Arab Revolutions. *Journal of Democracy* 23(2): 5–18.
- Fisher H. H. 1955.** *The Communist Revolution. An Outline of Strategy and Tactics*. Stanford, CA: Stanford University Press.

- Geschwender J. A. 1968.** Explorations in the Theory of Social Movements and Revolution. *Social Forces* 47: 127–135.
- Giddens A. 1989.** *Sociology*. Cambridge: Polity Press.
- Goldstone J. 1980.** Theories of Revolutions: The Third Generation. *World Politics* 32: 425–453.
- Goldstone J. 1991.** *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Goldstone J. 2001.** Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory. *Annual Review of Political Science* 4: 139–187.
- Goldstone J. 2011a.** Cross-class Coalitions and the Making of the Arab Revolts of 2011. *Swiss Political Science Review* 17(4): 457–462.
- Goldstone J. 2011b.** Understanding the Revolutions of 2011: Weakness and Resilience in Middle Eastern Autocracies. *Foreign Affairs* 90(3): 8–16.
- Goldstone J. 2014a.** Protests in Ukraine, Thailand and Venezuela: What unites them? *Russia Direct* February. URL: <http://www.russia-direct.org/content/protests-ukraine-thailand-and-venezuela-what-unites-them>.
- Goldstone J. 2014b.** *Revolutions. A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Goldstone J. et al. (Eds.). 1991.** *Revolutions of the Late Twentieth Century*. Boulder, CO: Westview Press.
- Goldstone J., Bates R., Epstein D., Gurr T., Lustik M., Marshall M., Ulfelder J., Woodward M. 2010.** A Global Model for Forecasting Political Instability. *American Journal of Political Science* 54(1): 190–208.
- Goldstone J., Gurr T., Harff B., Levy M., Marshall M., Bates R., Epstein D., Kahl C., Surko P., Ulfelder J., Unger Jr. A. 2003.** *State Failure Task Force Report: Phase III Findings*. McLean, VA: Science Applications International Corporation (SAIC).
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2014.** Revolution and Democracy in the Context of the Globalization. In: Kiss E. (ed.), *The Dialectics of Modernity – Recognizing Globalization. Studies on the Theoretical Perspectives of Globalization* (pp. 119–140). Budapest: Arisztotelész Kiadó (Publisher-house Arostotelész).
- Gurr T. R. 1968.** A Causal Model of Civil Strife: A Comparative Analysis Using New Indices. *American Political Science Review* 62: 1104–1124.
- Gurr T. R. 1970.** *Why Men Rebel*. Princeton: Princeton University Press.
- Gurr T. R. 1988.** War, Revolution, and the Growth of the Coercive State. *Comparative Political Studies* 21: 45–65.

- Haggard S., Kaufman R. R. 1995.** *The Political Economy of Democratic Transitions*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Hagopian M. 1974.** *The Phenomenon of Revolution*. New York: Dodd, Mead.
- Hart M. 1971.** *The Dynamics of Revolution*. Stockholm: Rotobekman.
- Hough J. 1997.** *Democratization and Revolution in the USSR 1985–1991*. Washington, DC: Brookings Inst.
- Huntington S. P. 1968.** *Political Order in Changing Societies*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Jenkins J. C. 1982.** Why do Peasants Rebel? Structural Arid Historical Theories of Modern Peasant Rebellions. *American Journal of Sociology* 88(3): 487–514.
- Jessop B. 1972.** *Social Order, Reform, and Revolution*. New York: Macmillan.
- Johnson Ch. 1968.** *Revolutionary Change*. London: University of London Press.
- Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. 2015.** Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013–2014: A Cross-National Analysis. *Cross-Cultural Research* 49(5).
- Kramnick I. 1972.** *Revolution: Definitions and Explanations, A Critique of Recent Scholarship*. New Haven.
- Lachmann R. 1997.** Agents of Revolution: Elite Conflicts and Mass Mobilization from the Medici to Yeltsin. In: Foran J. (ed.), *Theorizing Revolutions* (pp. 73–101). London: Routledge.
- LeBon G. 1913.** *The Psychology of Revolutions*. New York: Ernest Benn.
- Lederer E. 1936.** On Revolutions. *Social Research* 3: 1–18.
- Lynch M. 2012.** *The Arab Uprising: The Unfinished Revolutions of the New Middle East*. New York: Public Affairs.
- Mitchell L. A. 2012.** *The Color Revolutions*. Philadelphia, PN: University of Pennsylvania Press.
- Morrison D. E. 1971.** Some Notes Towards a Theory on Relative Deprivation, Social Movements, and Social Change. *American Behavioral Scientist* 14: 675–690.
- Nepstadt S. E. 2011.** Nonviolent Resistance in the Arab Spring: The Critical Role of Military-Opposition Alliances. *Swiss Political Science Review* 17(4): 485–491.
- Neumann S. 1949.** The International Civil War. *World Politics* 3: 333–334.
- Paige J. M. 1975.** *Agrarian Revolution: Social Movements and Export Agriculture in the Underdeveloped World*. New York: Free Press.

- Parsa M. 2000.** *States, Ideologies, and Social Revolutions: A Comparative Analysis of Iran, Nicaragua, and the Philippines*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Pettee G. S. 1938.** *The Process of Revolution*. New York: Harper.
- Schwartz D. C. 1972.** Political Alienation: The Psychology of Revolution's First Stage. In: Feierabend I. K., Feierabend R. L., Gurr T. R. (ed.), *Anger, Violence, and Politics: Theories and Research* (pp. 58–66). Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Skockpol Th. 1979.** *States and Social Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Smelser N. 1963.** *Theory of Collective Behavior*. New York: Free Press.
- Snyder R. 1998.** Paths out of Sultanistic Regimes: Combining Structural and Voluntarist Perspectives. In: Chehabi H. E., Linz J. J. (ed.), *Sultanistic Regimes* (pp. 49–81). Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- Sorokin P. 1925.** *The Sociology of Revolution*. Philadelphia, PA: Lippincott.
- Stinchcombe A. L. 1965.** Stratification Among Organizations and the Sociology of Revolution. In: March J. (ed.), *Handbook of Organizations* (pp. 169–180). Chicago: Rand McNally.
- Stone L. 1966.** Theories of Revolution. *World Politics* 18(2): 159–176.
- Taylor S. 1984.** *Social Science and Revolutions*. London: Macmillan.
- Tilly, C. 1975.** Revolutions and Collective Violence. In: Greenstein F. and Polsby N. (ed.), *Handbook of Political Science* (pp. 483–555). III. Reading, MA: Addison-Wesley, 1975.
- Tilly C. 1978.** *From Mobilization to Revolution*. Reading, MA: Addison-Wesley.
- Tiryakian E. A. 1967.** A Model of Societal Change and Its Lead Indicators. In: Klausner S. Z. (ed.), *The Study of Total Societies* (pp. 69–97). New York: Anchor Books.
- Trimberger K. E. 1978.** *Revolution from Above: Military Bureaucrats and Development in Japan, Turkey, Egypt, and Peru*. New Brunswick, NJ: Transaction Books.
- Weede E., Muller E. N. 1997.** Consequences of Revolutions. *Rational Society* 9: 327–350.
- Zagorin P. 1973.** Theories of Revolution in Contemporary Historiography. *Political Science Quarterly* 88: 23–52.
- Zimmermann E. 1990.** On the Outcomes of Revolutions: Some Preliminary Considerations. *Sociological Theory* 8: 33–47.